Колин Макгинн: «Когнитивная закрытость» - приговор или вызов?

Александр Клеймёнов

Fractal Academy
Выпуск 3 (Осень 2026). Блок I, Статья 2
Серия: «Мыслители, изменившие карту сознания: от „трудной проблемы“ к новой педагогике»
Автор: Александр Клеймёнов
ORCID: 0009-0004-9404-2400
DOI: [будет присвоен]
Дата публикации: 1.11.2026

© 2026 Александр Клеймёнов. Данная работа (на русском и английском языках) лицензирована на условиях Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International License.
Название (рус.): «Колин Макгинн: «Когнитивная закрытость» - приговор или вызов?»
Название (англ.): «Colin McGinn: "Cognitive Closure" - Verdict or Challenge?»
Ссылка: https://fractal-academy.ru/articles/article-3-1-2/
(CC BY-SA 4.0)

Аннотация

В этой статье я обращаюсь к самому сильному контраргументу против всей моей программы. Если трудная проблема сознания - это парадигмальная проблема (статья 1), и если её решение требует развития познающего субъекта (статья 5), то возникает вопрос: а способен ли человек вообще к такому развитию? Британский философ Колин Макгинн дал пессимистический ответ: нет. Его гипотеза «когнитивной закрытости» (cognitive closure) утверждает, что человеческий мозг эволюционировал для решения задач выживания, а не для понимания собственной природы. Мы принципиально не способны решить трудную проблему - как собака не способна понять теорему Пифагора. В этой статье я показываю, что Макгинн прав в своей констатации биологических пределов, но ошибается в своём выводе. Он рассматривает мозг как статичную структуру, тогда как человек - единственное существо, способное к управляемой культурной и педагогической эволюции. Через идеи Льва Выготского о культурных орудиях и зоне ближайшего развития я показываю, что когнитивные пределы человека не являются фиксированными: они могут быть расширены через педагогику. Тем самым статья 2 закладывает основание для ответа, который будет развёрнут в статье 9 (Выготский) и конкретизирован в модели КПКЛ (статья 5).

Ключевые слова: когнитивная закрытость, эволюционная эпистемология, биологические пределы, культурные орудия, зона ближайшего развития, Выготский, трудная проблема сознания, нейропластичность, коммуникативно-познавательный каркас личности.

Введение: самый сильный контраргумент

В предыдущей статье я разобрал «трудную проблему сознания» Дэвида Чалмерса и показал, что она является не проблемой недостающих данных, а проблемой исчерпанной концептуальной рамки. Если это так, то решение требует не просто «более мощного сканера», а когнитивного акта пере-осмысления. А такой акт, в свою очередь, требует определённых операциональных способностей - тех, которые я сформулировал как шесть требований (статья 1) [3] и конкретизировал как шесть механизмов ядра в рамках модели КПКЛ (статья 5) [4].

Но здесь возникает вопрос, который я до сих пор откладывал. А способен ли человек вообще к такому акту? Можем ли мы развить в себе способности, которые позволят нам выйти за пределы исчерпанной парадигмы? Или наш когнитивный аппарат принципиально ограничен - и никакая педагогика не поможет? Этот вопрос не является праздным. В философии сознания существует мощная традиция, которая даёт на него пессимистический ответ. Самый яркий представитель этой традиции - британский философ Колин Макгинн. В 1989 году он опубликовал статью «Можем ли мы решить проблему тело-сознание?» (Can We Solve the Mind-Body Problem?), которая стала одним из самых провокационных вызовов оптимизму нейронауки [1].

Если Чалмерс показал, что «трудная проблема» существует, то Макгинн задал ещё более радикальный вопрос: а можем ли мы её вообще решить? И ответил: «Нет. Не можем». Этот ответ звучит как приговор всей моей программе. И именно поэтому я должен его разобрать - не для того, чтобы отмахнуться, а для того, чтобы показать, где именно Макгинн ошибается и почему его ошибка важна для понимания того, что может сделать педагогика.

Статья Макгинна «Can We Solve the Mind-Body Problem?» (1989) - это не просто «скептический аргумент». Это эпистемологический аргумент, который утверждает, что проблема тело-сознание не является проблемой,

которую можно решить в принципе, а не просто «на практике». Макгинн не говорит, что мы «пока не знаем» решения; он говорит, что мы не можем его знать - так же, как собака не может знать теорему Пифагора. Это сильное утверждение, и оно требует серьёзного разбора. Если Макгинн прав, то вся моя программа - от статьи 1 до статьи 14 - является иллюзией.

Гипотеза когнитивной закрытости: в чём её суть?

Макгинн исходит из простого, но разрушительного наблюдения: человеческий мозг - это продукт эволюции. А эволюция не создаёт универсальные инструменты познания. Она создаёт специализированные инструменты для решения конкретных задач выживания. Представьте себе летучую мышь. Её мозг эволюционировал для того, чтобы ориентироваться в пространстве с помощью эхолокации. Летучая мышь прекрасно «видит» мир через звуковые волны, но она принципиально не способна понять, каково это - видеть красный цвет. Её когнитивный аппарат «закрыт» для визуального опыта.

Точно так же, утверждает Макгинн, человеческий мозг эволюционировал для решения задач выживания в саванне: поиска пищи, избегания хищников, социального взаимодействия. Он не эволюционировал для того, чтобы понимать собственную природу. И это означает, что мы можем быть «когнитивно закрыты» для решения трудной проблемы - так же, как летучая мышь закрыта для визуального опыта. Макгинн приводит знаменитую аналогию, которая стала хрестоматийной. Представьте собаку. Собака может научиться сидеть, лежать, приносить палку. Она может даже научиться нажимать на кнопку, чтобы получить еду. Но собака принципиально не способна понять теорему Пифагора. Не потому, что она глупая, а потому, что её когнитивный аппарат не предназначен для абстрактного математического мышления.

Точно так же, утверждает Макгинн, человек принципиально не способен решить трудную проблему сознания. Не потому, что мы глупые, а потому, что наш когнитивный аппарат не предназначен для понимания того, как нейронные процессы порождают субъективный опыт. «Мы можем быть когнитивно закрыты для решения проблемы сознания так же, как крыса когнитивно закрыта для понимания астрофизики» [1].

Аналогия с собакой и теоремой Пифагора - это не просто иллюстрация. Это аргумент от аналогии, и его сила зависит от того, насколько близка аналогия. Макгинн утверждает, что отношение «человек - трудная проблема» аналогично отношению «собака - теорема Пифагора». Но это утверждение требует обоснования. Почему мы должны считать, что человеческий когнитивный аппарат так же ограничен по отношению к проблеме сознания, как собачий - по отношению к математике? Макгинн отвечает: потому что эволюция не создавала наш мозг для этой задачи. Но это ответ вызывает возражение: эволюция не создавала наш мозг и для квантовой механики, однако мы её освоили. Почему? Потому что мы создали культурные орудия (математику, физику), которые расширили наши когнитивные возможности. Именно это возражение я разверну в разделе 4.

Почему это кажется разрушительным для оптимизма

Гипотеза Макгинна кажется разрушительной для любого оптимизма. Если мы принципиально не способны решить трудную проблему, то зачем вообще пытаться? Зачем развивать новые методы, строить новые сканеры, создавать новые теории? Это как пытаться научить собаку теореме Пифагора. Сколько бы мы ни старались, собака не поймёт. Не потому, что мы плохо объясняем, а потому, что её мозг не предназначен для этого.

Макгинн утверждает: мы можем бесконечно накапливать данные о нейронных коррелятах сознания, но мы никогда не поймём, почему эти корреляции сопровождаются субъективным переживанием. Мы застряли в ловушке собственной когнитивной архитектуры. Это звучит как приговор всей нейронауке - и, добавим, всей моей программе. Если Макгинн прав, то никакая педагогика не поможет: нельзя развить способность, которая принципиально не может существовать. Нельзя «натренировать» мозг на то, для чего он не предназначен. Именно поэтому я должен ответить на этот аргумент. Не для того, чтобы «спасти» свою программу, а для того, чтобы понять, где именно проходит граница между биологическим пределом и культурной возможностью.

Аргумент Макгинна часто интерпретируют как «мы не можем решить трудную проблему, потому что мы не можем выйти за пределы своего мозга». Это не совсем точная формулировка. Макгинн говорит не о том, что мы «заперты в мозге», а о том, что наш мозг имеет определённую когнитивную архитектуру, которая определяет, какие проблемы мы можем решать. Это ближе к кантовской идее о том, что познание определяется априорными формами. Но если Кант считал, что эти формы универсальны для всех разумных существ, то Макгинн считает, что они специфичны для нашего вида. Это эволюционная интерпретация Канта: наши когнитивные формы - это не априорные структуры чистого разума, а результат естественного отбора.

Здесь уместно вспомнить «Пещеру» Платона. Узники в пещере прикованы к стене и видят только тени на ней. Они не могут повернуть голову и не знают, что за их спинами есть выход, а за выходом - солнце. Они считают тени единственной реальностью. Макгинн говорит нам: мы все - такие узники. Наш когнитивный аппарат - это пещера, и мы не можем выйти за её пределы. Трудная проблема сознания - это солнце, которое мы никогда не увидим. Но Платон не остановился на описании пещеры. Он рассказал о том, как один узник освободился, увидел солнце и вернулся, чтобы рассказать об этом другим. Этот узник - не сверхчеловек. Это человек, который прошёл через образование (paideia). И именно это - образование как выход из пещеры - я противопоставлю Макгинну.

Где ошибается Макгинн: статичный vs. динамичный взгляд на мозг

Теперь я перехожу к главному. Макгинн ошибается - но не в своей констатации биологических пределов, а в своём выводе из этой констатации. Он совершает ошибку, которую я называю «ошибкой статичного мозга». Макгинн рассматривает человеческий мозг как биологически заданную, неизменную структуру. Его когнитивные пределы определяются эволюцией и не могут быть преодолены. Это как если бы мы рассматривали глаз как «оптический прибор с фиксированными характеристиками» и утверждали, что он не может «увидеть» то, что не входит в его спектральный диапазон.

Но человек - единственное существо, обладающее уникальной способностью к управляемой культурной и педагогической эволюции. Мы не просто используем мозг - мы его модернизируем. И это не метафора: исследования нейропластичности показывают, что мозг взрослого человека перестраивается под воздействием целенаправленной деятельности. Л.С. Выготский доказал, что высшие психические функции не даны биологически, а формируются через присвоение культурных орудий [2]. Ребёнок не рождается с мышлением - он его «присваивает» из культуры, как язык. Он не рождается с логикой - он её осваивает через математику. Он не рождается с научным мышлением - он его формирует через образование. Это означает, что человеческий мозг - не замкнутая система, а открытая структура, способная к радикальной перестройке под воздействием целенаправленной педагогической деятельности. И именно это делает возможным то, что Макгинн считает невозможным.

Различие между «статичным» и «динамичным» взглядом на мозг - это не просто философская тонкость. Это различие между двумя эмпирическими программами. Статичный взгляд ведёт к выводу: «Если мы не можем решить проблему сейчас, мы не сможем её решить никогда». Динамичный взгляд ведёт к выводу: «Если мы не можем решить проблему сейчас, это может быть потому, что мы ещё не создали культурные орудия, которые позволили бы нам это сделать». История науки подтверждает вторую позицию: мы не могли решить проблему движения планет, пока не создали ньютоновскую механику; мы не могли понять наследственность, пока не создали генетику. Культурные орудия расширяют наши когнитивные возможности - и это относится не только к «внешним» проблемам, но и к проблеме сознания.

Ответ Выготского: культурная эволюция как выход

Ответ на гипотезу Макгинна даёт Лев Выготский - советский психолог, основоположник культурно-исторической психологии. Его идеи я подробно разбираю в статье 9 [5], но здесь я хочу обозначить ключевой ход. Выготский показал, что человеческое мышление не является продуктом биологической эволюции в том же смысле, в каком им является, например, зрение. Зрение действительно эволюционировало - у нас есть глаза, которые «настроены» на определённый диапазон света. Но мышление - это не «орган», а функция, которая формируется через присвоение культурных орудий. Культурные орудия - это знаки, символы, понятия, которые человечество создало в процессе исторического развития. Язык, математика,

письменность, научные теории - всё это орудия мышления. И эти орудия не просто «помогают» думать; они формируют то, как мы думаем. Ребёнок, который осваивает математику, не просто «учится считать» - он осваивает новый способ мышления, который становится возможным благодаря математическим орудиям.

Это означает, что когнитивные пределы человека не являются фиксированными. Они определяются не только биологией, но и культурой. И если культура создаёт новые орудия, она расширяет когнитивные пределы. Именно это произошло с квантовой механикой: мы не «эволюционировали» для её понимания, но мы создали математические орудия, которые сделали её понимание возможным. То же самое может произойти с трудной проблемой. Если мы создадим культурные орудия - ментальные механизмы, - которые позволят нам удерживать многомерность нейробиологических процессов, мы сможем выйти за пределы, которые Макгинн считает непреодолимыми.

Ответ Выготского Макгинну - это не просто «оптимистическая декларация». Это эмпирически обоснованный ответ. Исследования нейропластичности показывают, что мозг перестраивается под воздействием обучения. Исследования лондонских таксистов показывают, что целенаправленная тренировка увеличивает гиппокамп. Исследования билингвов показывают, что изучение второго языка меняет структуру мозга. Всё это подтверждает, что когнитивные пределы не фиксированы. Они могут быть расширены через педагогику. Это не значит, что любой предел может быть преодолён; это значит, что граница между «биологически возможным» и «биологически невозможным» не является фиксированной. Она зависит от культурных орудий, которые мы создаём.

Связь с парадигмальной проблемой: почему это важно

Теперь я могу объяснить, почему ответ на гипотезу Макгинна важен для всей моей программы. В статье 1 [3] я показал, что трудная проблема - это парадигмальная проблема. Это значит, что её решение требует не просто «больше данных», а когнитивного акта пере-осмысления - выхода за пределы исчерпанной парадигмы. Но если Макгинн прав и мы «когнитивно закрыты», то такой акт принципиально невозможен. Мы заперты в парадигме, как собака заперта в своём когнитивном мире. Ответ Выготского показывает, что это не так. Когнитивные пределы не фиксированы; они определяются культурой. А культура - это то, что мы создаём. Следовательно, мы можем создать условия для выхода за пределы исчерпанной парадигмы. Эти условия - педагогика, которая формирует ментальные механизмы, позволяющие удерживать сложность, противоречие, многомерность. Именно в этом смысле педагогика становится стратегией эволюции когнитивного потенциала вида. Она не «решает» трудную проблему напрямую. Она создаёт условия возможности для её решения - формируя субъекта, способного к акту пере-осмысления.

Связь между ответом Макгинну и парадигмальной проблемой можно сформулировать так. Макгинн говорит: «Мы не можем решить трудную проблему, потому что наш когнитивный аппарат ограничен». Я отвечаю: «Наш когнитивный аппарат ограничен биологически, но открыт культурно. Педагогика - это практика, которая расширяет культурные пределы. Следовательно, педагогика может создать условия для решения трудной проблемы - не гарантировать его, но сделать его возможным». Это не опровержение Макгинна; это уточнение его тезиса. Он прав в том, что биологические пределы существуют. Он ошибается в том, что эти пределы непреодолимы.

Связь с шестью требованиями: что это значит для КПКЛ

Если ответ Выготского верен, то какие именно способности должны быть сформированы, чтобы выйти за пределы, которые Макгинн считает непреодолимыми? В статье 1 [3] я сформулировал шесть требований, а в статье 5 [4] - шесть механизмов ядра. Здесь я хочу показать, как они связаны с ответом Макгинну. Требование 1 (различение корреляции и причинности) - это способность, которая позволяет выйти за пределы «ловушки корреляций». Макгинн считает, что мы можем только фиксировать корреляции. ММ-1 позволяет нам строить каузальные модели - и тем самым выходить за пределы, которые Макгинн считает непреодолимыми. Требование 2a (доступ к опыту как к данным) - это способность, которая позволяет удерживать первую перспективу. Макгинн считает, что мы можем только описывать нейронные корреляты. ММ-3 позволяет нам работать с опытом как с данными - и тем самым приближаться к пониманию того, что такое субъективное переживание. Требование 2b (удержание напряжения между перспективами) - это способность, которая позволяет не редуцировать одну перспективу к другой. Макгинн считает, что мы

заперты в одной перспективе. ММ-5 позволяет нам удерживать обе - и тем самым видеть проблему под новым углом. Требование 3 (деконструкция аксиом) - это способность, которая позволяет выйти за пределы исчерпанной парадигмы. Макгинн считает, что мы не можем «увидеть» ограничения своей парадигмы. ММ-6 позволяет нам подвергать сомнению основания - и тем самым открывать новые возможности. Требование 4 (удержание многомерной модели) - это способность, которая позволяет видеть мозг как сложную систему, а не как плоскую схему. Макгинн считает, что мы можем только «упрощать». ММ-10 позволяет нам удерживать сложность - и тем самым приближаться к пониманию того, что такое мозг. Требование 5 (предвидение последствий) - это способность, которая позволяет строить новые исследовательские программы. Макгинн считает, что мы можем только «решать головоломки» в рамках существующей парадигмы. ММ-11 позволяет нам видеть, какие следствия вытекают из теории - и тем самым открывать новые направления.

Связь между ответом Макгинну и шестью требованиями не является случайной. Макгинн утверждает, что мы «когнитивно закрыты» для решения трудной проблемы. Шесть требований - это описание того, что должно быть сформировано, чтобы эта «закрытость» была преодолена. Каждое требование соответствует одному из аспектов «закрытости»: неспособности видеть причинность (требование 1), неспособности работать с опытом (2a), неспособности удерживать напряжение (2b), неспособности деконструировать аксиомы (3), неспособности удерживать многомерность (4), неспособности предвидеть последствия (5). Развитие этих способностей - это и есть «выход из пещеры», о котором говорил Платон. Это не отмена биологических пределов, а расширение культурных возможностей.

Заключение: от закрытости к открытости - но без наивного оптимизма

Я не хочу создавать впечатление, что ответ на Макгинна прост. Он не прост. Макгинн прав в своей констатации: человеческий мозг имеет биологические пределы, и эти пределы не могут быть преодолены «усилием воли». Мы не можем «натренировать» мозг на то, для чего он не предназначен. Но Макгинн ошибается в своём выводе. Он рассматривает мозг как статичную структуру, тогда как человек - единственное существо, способное к управляемой культурной эволюции. Эта эволюция не отменяет биологические пределы, но она расширяет их. Она создаёт культурные орудия, которые позволяют нам решать проблемы, для которых мы не «эволюционировали».

Именно это делает педагогика. Она не «решает» трудную проблему. Она создаёт условия возможности для её решения - формируя субъекта, способного к акту пере-осмысления. Этот субъект не является «сверхчеловеком». Он является человеком, который освоил культурные орудия, позволяющие ему выйти за пределы, которые Макгинн считает непреодолимыми. В следующей статье (статья 3, Морен) я разберу, что именно требуется для такого выхода: сложное мышление, которое позволяет удерживать противоречия и видеть целое, а не только части. Это следующий шаг в построении ответа на вызов Макгинна.

Заключение обозначает границы моего оптимизма. Я не утверждаю, что педагогика «гарантирует» решение трудной проблемы. Я утверждаю, что она создаёт условия, без которых решение невозможно. Это различение между «условием возможности» и «достаточной причиной» (статья 1) [3] защищает меня от обвинения в наивном оптимизме. Макгинн прав в том, что биологические пределы существуют. Я прав в том, что культурные орудия могут их расширить. Истина - в синтезе: биологические пределы реальны, но они не являются окончательными.

Ссылки на первоисточники

1. McGinn C. Can We Solve the Mind-Body Problem? // Mind. - 1989. - Vol. 98, No. 391. - P. 349-366.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. - М.: Педагогика, 1983.
3. Клеймёнов А. Эпистемологическая рекурсия в когнитивной науке: ментальные механизмы как инструмент преодоления «трудной проблемы» сознания // Fractal Academy. - 2026. - Вып. 3. - Ст. 1. https://fractal-academy.ru/articles/article-3-1/

4. Клеймёнов А. Основные ментальные механизмы: структура коммуникативно-познавательного каркаса личности // Fractal Academy. - 2026. - Вып. 1. - Ст. 5. https://fractal-academy.ru/articles/article-1-5/
5. Клеймёнов А. Лев Выготский: мозг как открытая культурная система // Fractal Academy. - 2026. - Вып. 3. - Ст. 9. https://fractal-academy.ru/articles/article-3-4-9/
6. McGinn C. The Problem of Consciousness. - Oxford: Blackwell, 1991.
7. McGinn C. Consciousness and Its Objects. - Oxford: Clarendon Press, 2004.
8. Chalmers D.J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. - 1995. - Vol. 2, No. 3. - P. 200-219.
9. Levine J. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // Pacific Philosophical Quarterly. - 1983. - Vol. 64, No. 4. - P. 354-361.
10. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // Philosophical Review. - 1974. - Vol. 83, No. 4. - P. 435-450.

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи.
Финансирование
Исследование выполнено без внешнего финансирования.
Заявление о доступности данных
Данные, обсуждаемые в статье, содержатся в тексте публикации. Дополнительные материалы можно запросить у автора.
Вклад автора
Александр Клеймёнов - концепция, исследование, написание текста, финальная правка.

Отказ от ответственности
Мнения, точки зрения и данные, содержащиеся в публикациях Fractal Academy, принадлежат исключительно автору(ам) и не обязательно отражают позицию издателя или редакции. Fractal Academy и редакция не несут ответственности за любой ущерб, возникший в результате использования идей, методов, инструкций или материалов, упомянутых в публикациях.
Ответственность за соблюдение авторских прав, точность цитирования и достоверность фактов лежит на авторе(ах) публикации.